

Тема моего сегодняшнего выступления - теории, разработанные так называемой "Франкфуртской школой". Они наложили решающий отпечаток на всю современную леворадикальную мысль, можно даже сказать, стали ее идейной основой. Более того, без хотя бы самого общего представления о концепциях этого философского течения невозможно понять историю современного Запада, круг волн и проблем, интересовавший прогрессивно мыслящих людей на протяжении нашего века и интересующий их до сих пор. Речь идет о таких темах, как отчуждение, тоталитарность, одномерность человека в эксплуататорском мире, господство технократии, экологические проблемы и т.д.

Но прежде чем перейти к существу дела, мне придется сделать несколько общих предварительных замечаний. С моей стороны было бы отчаянной самонадеянностью пытаться в рамках одной лекции дать представление о всем круге проблем, которыми занимались в той или иной мере философы Франкфуртской школы. Их работы написаны подчас достаточно сложным языком, насыщены множеством специальных философских и социологических терминов и предполагают прекрасное знание всей истории мировой, прежде всего западной философской мысли. Мне не хотелось бы сегодня забредать чересчур далеко в эти дебри. Поэтому я ограничусь некоторыми ключевыми, основополагающими аспектами теорий, разработанных в русле Франкфуртской школы, а также их влиянием на социальные движения второй половины XX века. Второе ограничение, которое мне придется сегодня наложить на самого себя - я не смог бы при всем желании рассказать в одном выступлении о всех теоретиках этого течения. Одно только их перечисление с краткой характеристикой заняло бы слишком много времени. Среди них: философы и социологи Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Вальтер Беньямин, Юрген Хабермас, Альфред Шмидт, Оскар Негт, психоаналитики Эрих Фромм и Вильгельм Райх, экономист Фридрих Поллок, знаменитая исследовательница тоталитаризма Ханна Арендт и многие другие. Очевидно, что круг вопросов, которыми занимались представители школы, чрезвычайно широк, да и позиции их по этим вопросам были далеко не одинаковыми. Поэтому - да простят меня слушатели - я буду говорить в основном о трех теоретиках, трех философах, с именами которых прежде всего и связывается Франкфуртская школа - об Хоркхаймере, Адорно и Маркузе.

Условия возникновения социально-философских взглядов Франкфуртской школы

Любое явление имеет свою собственную логику. И если мы имеем дело с идейным течением, которое оказало сильное влияние на умонастроения

и действия многих своих современников, очевидно, что его появление и развитие не случайны. Так и было с Франкфуртской школой. Ее возникновение и ее взгляды стали попыткой найти ответы на животрепещущие проблемы эпохи, то есть сделать то, что не удавалось другим идейным и политическим направлениям.

ФШ - это явление XX века, реакция на его противоречия, его трагедии и его возможности. Наивысший расцвет течения, формулировка его основных взглядов приходится на 30-е-60-е годы, то есть время торжества так называемого “фордистско-тейлористского” этапа индустриального капитализма. Индустриально-конвейерная система производства потребовала формальной рационализации, строгой научности и предсказуемости в жизни социума. Она предполагала особый тип разделения труда и всех общественных функций вообще, доходящий до детальной специализации в выполнении задач в рамках больших экономических и социальных комплексов. Таким образом, было запрограммировано детальное разграничение между руководителями и исполнителями конкретных операций, причем последние все больше отрывались от процессов принятия решений, все меньше и меньше постигали общий смысл и цель своих собственных действий, превращаясь в автоматы, которые не рассуждая исполняют приказы начальника. Люди становились придатками гигантской социально-экономической мегамшины, ее колесиками и винтиками. Ее общая направленность на максимальное извлечение прибыли и максимальный рост господства над всем и вся, над внутренней природой человека и над окружающей его средой приобретала разрушительный характер. Жизнь человека, несмотря на внешнюю рациональность и логичность, была пронизана иррационализмом и абсурдом. Никогда это не чувствовалось так, как в XX столетии, веке мировых войн, концлагерей и атомной смерти. Как писал Эрих Фромм, “мы не замечаем, что стали жертвами власти нового рода. Мы превратились в роботов, но живем под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды... Индивид живет в мире, с которым потерял все подлинные связи, в котором все и вся инструментализированы; и сам он стал частью машины, созданной его собственными руками. Он знает, каких мыслей, каких чувств, каких желаний ждут от него окружающие, и мыслит, чувствует и желает в соответствии с этими ожиданиями, утрачивая при этом свое “я”...”.

Модели идеальной фабрики, работающей как единый механизм, соответствовало представление о социальном организме, который действует по централизованному, строго научному плану и управляется наиболее компетентными профессионалами - технократами, бюрократами, политиками. За людьми сохранялись в лучшем случае права периодически отбирать наиболее способных начальников и

правителей, но не возможности самоуправления. При тоталитарных режимах им не было позволено даже этого, поскольку считалось, что правящие партии и вожди воплощают в себе подлинное научное знание, истину. Но, как отмечал Маркузе, “современная эпоха склонна к тоталитарности даже там, где она не произвела на свет тоталитарных государств”. Резко возросла контролирующая роль государства во всех сферах жизни. Средства массовой информации, господствующие нормы и ценности пронизали своим воздействием не только внешнее поведение, но и внутренний мир отдельной человеческой личности. Человек все больше следовал заданным принципам поведения, теряя способность к критическому восприятию мира и самостоятельному мышлению. “Мы пришли к заключению, что общество станет развиваться к тотально управляемому миру. Что все будет регулироваться, все!” - говорил позднее Хоркхаймер.

Новое состояние общества требовало осмысления и анализа. В какой мере удовлетворяли этим потребностям существовавшие тогда идейные системы?

Позитивизм, оптимистическая идеология буржуазии, превратился в оправдание и инструмент технократического господства. Он воспринимал существовавшие общественные явления, как “позитивный факт”, как научную данность, не противоречивую и не связанную с другими аспектами социальной жизни. Позитивизм, утверждавший “разумность” действительного, не только не способствовал развитию свободного, критического мышления, способного заглянуть за узкие пределы сегодняшнего дня, но и высушивал саму действительность, выстраивая и регламентируя ее по научным, а на деле достаточно произвольно отобранным критериям. Сами эти критерии были заимствованы из окружающей эксплуататорской действительности и истолковывались, как естественные и непреложные. Так возник, например, социал-дарвинизм: условия капиталистической конкуренции были объявлены вечными и естественными для человека, а затем перенесены на мир природы; исследователи принялись отыскивать иерархию и внутривидовую конкуренцию в животном мире. Сделанные таким образом “естественно-научные” выводы позитивизм снова применил к обществу, очистив его от всяких этических или гуманистических соображений. О реакционной сущности и роли позитивизма в XX веке хорошо сказал датский писатель Йенс Бьернебе: “Сущность естественных наук - все, что выявлено... эмпирическим исследованием, установлено усилиями поколений ученых в лабораториях, за микроскопами... - все это доказывает, что человек есть высшее млекопитающее. То, что мы называем этикой, может оправдываться только социальной целесообразностью... Предположим, что мы оказываемся в ситуации, когда быть моральным

нецелесообразно. Предположим, что для какой-то нации полезно иметь несколько миллионов рабов или для общества полезно истреблять бесполезную жизнь... Концлагеря в Германии служили осуществлению биологической целесообразности экономического, политического и гигиенического укрепления определенной расы. Мы должны смириться с мыслью, что они никогда не стали бы возможными без представлений, которые сложились о человеке в современных естественных науках...”.

Марксизм, выросший из гегелевской диалектики и претендовавший на социально-критическую роль ниспровергателя “данности”, также не справился с этой задачей. Уже у Маркса антиавторитарная цель свободного общества сочеталась с авторитарными путями и методами его достижения - через захват политической власти, диктатуру нового государства и новую иерархию, пусть даже “на переходный период”. Начиная по крайней мере с Энгельса и особенно в представлениях 2-го Интернационала марксизм все больше превращался в “идеологию”, то есть в ложное сознание. Цель освобождения человека все больше отодвигалась в будущее, ей придавалось все меньшее значение, средства подменяли собой цель. Идея самоорганизованной человеческой практики, представление об истории как о равнодействующей воли отдельных людей сменились единой, претендующей на подлинную научность схемой общественного развития, теорией необходимого, не зависящего от воли людей и предопределенного действия социальных законов, так называемым “экономическим детерминизмом”. Марксисты взяли на вооружение представление об “обществе-фабрике”, работающем как единый индустриальный гигант под рациональным, плано-научным руководством партии и нового государства. Тем самым марксизм перенял логику и принципы капитализма, абсолютизировал и обожествил индустриальное развитие и переносил на будущее свободное общество капиталистическую модель организации производства и жизни. Из теории борьбы с отчуждением он превратился в идеологию, обосновывающую необходимость отчуждения. Как справедливо отмечал аргентинский анархистский теоретик Эмилио Лопес Аранго, “подчинение трудящегося класса материальным факторам - всем видам развития крупной индустрии - , следует подлинному процессу авторитарной доктрины: превращает наемных труженников в бессознательный придаток экономической машины, а существующий режим - в естественное и необходимое следствие истории. Из этой “исторической реальности” следует фатализм процесса индустриального роста и централизации, который трудящиеся “не могут” прервать по воле собственного сознания и силой своих организаций. И рабочее движение, хотя и являясь антиподом развитию капитализма, становится его проявлением и следствием. Вот почему, по мнению последователей Маркса, рабочие организации подчинены фатальным законам, от которых невозможно уклониться”.

Таким образом истолкованный марксизм в сочетании с ленинистским партийным авангардизмом был в “Советском Союзе” поставлен на службу правящей бюрократии и стал идеологическим обоснованием тоталитарного господства номенклатуры.

В философской мысли усиливалась ориентация на преодоление жесткого детерминизма. Но все эти попытки (неокантианцев, эмпириокритиков и эмпириомонистов, экзистенциалистов, “философии жизни”, интуитивистов, феноменологов) нельзя было считать совершенно успешными и, главное, могущими так или иначе оказаться полезными делу социального освобождения.

Отметим, что ряд марксистских теоретиков в 20-е годы начал осознавать кризис детерминистского марксизма. Одним из первых это сделал Дьердь Лукач, написавший в 1919-1923 гг. книгу “Марксизм и классовое сознание”. Эта работа оказала большое влияние на формирование идей Франкфуртской школы. Лукач призвал вернуться к “подлинному Марксу” в противоположность теоретикам 2-го Интернационала, которые рассматривали марксизм лишь как объективистски-экономическое учение и извратили социальную диалектику и исторический материализм. Еще до публикации “Экономическо-философских рукописей 1844 г.” Маркса Лукач обратил внимание на проблему отчуждения человека в обществе. Лукач выступил за то, чтобы все процессы и явления общественной жизни рассматривались во взаимосвязи и взаимодействии, то есть в “целостности”. Это позволит преодолеть позитивистски-эклетическое описание действительности и “экономический материализм”, то есть примат экономических мотивов в объяснении истории. Полемизируя с Энгельсом, Лукач отверг распространение диалектического метода на познание природы, поскольку такие определения как взаимодействие субъекта и объекта, единство теории и практики, историческое изменение субстрата категорий и т.д. там неприменимы. Природу можно познавать и рассматривать только во взаимоотношении с “целостной” деятельностью людей. Лукач видел в пролетариате именно целостный субъект-объект, “то есть первый в истории субъект, который способен (объективно) к осознанию общества”. По мере развития его борьбы, пролетариат преодолевает “необходимость”, и субъективный фактор, сознательная воля класса становится всеобъемлющей силой. Лукач выступил против разделения на теорию и практику, истолковывая их как единый “праксис”, то есть активность субъекта, обращенную на порожденную его активностью, отчужденную от него опредмеченную среду. Все эти положения Лукача мы обнаружим затем у Франкфуртских философов.

В такой общественной и идейной ситуации возникала и развивалась Франкфуртская школа.

Формально история ФШ начинается в Германии в 1930 г. с приходом Макса Хоркхаймера(1895 - 1973) к руководству Институтом социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. Именно он и Теодор Адорно (1903 - 1969), выходцы из среды буржуазной интеллигенции, стояли у истоков этой философской школы. Для понимания их мотивов и побуждений, возможно, стоит привести отрывок из воспоминаний самого Хоркхаймера:

“Мы оба буржуазного происхождения и познакомились с миром в том числе через наших отцов-торговцев... Его (Адорно) мать была итальянкой, всемирно известной художницей, художницей была и его тетка. Два философа, которые оказали решающее влияние на начало критической теории - это Шопенгауэр и Маркс. Мы пережили первую мировую войну и после этого учились не для того, чтобы сделать карьеру, а чтобы познать мир. То, что нам это удалось и что мы потом, тем не менее, выбрали академическую карьеру, связано тем, что у нас был великолепный философский учитель - Ханс Корнелиус, правнук художника Петера Корнелиуса, друга Гете. Он был профессором, но уже тогда критиковал университет и своих коллег так, как это теперь делают студенты. Да, он был профессором философии и говорил нам: чтобы быть философом - все это входит в критическую теорию - нужно знать естественные науки, нужно знать кое-что из искусства, музыки... И только так, с его помощью мы приобрели совершенно иное представление о философии, нежели то, которое обычно сейчас - то есть, что это не предмет, не дисциплина такая же, как все остальные”. В 1922 г. Хоркхаймер получил высшее философское образование и в 1925 г. защитил диссертацию, посвященную работе Канта “Критика способности суждения”.

Институт социальных исследований возник в 1923 г. Как вспоминал Хоркхаймер, он был основан в благотворительном порядке богатым предпринимателем Херманом Вайлем. Хоркхаймер и Адорно были дружны с его сыном. Они предложили, чтобы институт оставался учреждением, независимым от государства и в нем могли собираться люди, желающие исследовать проблемы, которые они считали важными для общества. Институт приобрел сравнительно левый характер. Его возглавил известный австро-марксист Карл Грюнберг, издававший с 1911 г. журнал под названием “Архив по истории социализма и рабочего движения”. Грюнберг опубликовал ряд до тех пор неизвестных работ Маркса, Энгельса, Бернштейна, Макса Адлера, Карла Корша, Лукача. При нем институт занимался в большей мере экономическими вопросами. Например, Поллок в 1926 - 1927 гг. ездил в научную командировку от института в СССР и опубликовал затем монографию об “экспериментах по планированию” в СССР. В 1929 г. сотрудник института Г.Гроссман опубликовал интереснейшую книгу “Закон накопления и гибели

капиталистической системы”, которая оказала и продолжает оказывать большое влияние на леворадикальных экономистов Запада.

После инфаркта прежнего директора Франкфуртский ИСИ возглавил Хоркхаймер. При нем первостепенное внимание стало уделяться социальной философии. В 1932 г. начинается издание “Журнала социальных исследований”. Но тут к власти в Германии приходят нацисты. Институт переехал в Женеву, в 1934 г. в Париж, в 1939 г. в США. Именно в эмиграции, основываясь на анализе причин победы фашизма в Германии, Хоркхаймер, Адорно и Маркузе сформулировали основные положения “критической теории”.

Герберт Маркузе (1898 - 1979) был наиболее ценным приобретением ФШ в этот период, хотя первые свои шаги в философии он сделал самостоятельно. Он родился в еврейской семье в Берлине, изучал философию и экономику в университетах Берлина и Фрайбурга. В 1918 г. участвовал в революции, на некоторое время примкнул к левому крылу социал-демократической партии. В 1922 г. закончил высшее образование, стал доктором философии и начал заниматься философскими исследованиями. Он учился у феноменолога Гуссерля, был ассистентом немецкого экзистенциалиста Хайдеггера. В 1928 - 1929 гг. предпринял первую попытку синтеза Маркса с теориями Хайдеггера и Гуссерля, опубликовал “Очерк по феноменологии исторического материализма” и статью “О конкретной философии”. В “Очерке”, посвященном книге Хайдеггера “Бытие и время”, Маркузе попытался проанализировать хайдеггеровскую трактовку “феномена историчности”. Он подверг критике фаталистическую и механистическую трактовку исторического материализма современными марксистами. Он трактовал марксистскую философию истории как теорию “исторической возможности радикального действия, призванного освободить для реализации целостного человека необходимую новую действительность. Ее носителем является сознательный общественный человек, единственное поле деятельности есть история, раскрывающаяся как основная категория человеческого существования”. Маркузе подчеркивал активный субъективный момент бытия. История для него - результат волевых целеполаганий человека. Напротив, объективные закономерности представляли как несвобода, проявление отчуждения, овеществления и опредмечивания человека.

Маркузе принимал участие в первом критическом издании до тех пор неопубликованных работ раннего Маркса - “Экономическо-философских рукописей 1844 г.” и “Немецкой идеологии”. Опираясь на них, он публикует в 1932 г. исследование “Новые источники для обоснования исторического материализма. Интерпретация впервые опубликованных рукописей Маркса”. В нем он выдвигает теорию “негации”, то есть отрицания настоящего, которая предвосхитила теорию “негативной

диалектики” Адорно. Свой метод исследования субъективного сознания и целеполагания в истории Маркузе назвал “диалектической феноменологией”. Он потребовал пересмотреть многие категории марксистской философии. Прежде всего, он подчеркивает антропологический подход раннего Маркса и сближает его с экзистенциализмом. Главной для анализа капитализма Маркузе считает категорию отчуждения, причем не только от средств производства, но от собственного бытия во всех его проявлениях, от собственной биологической природы, от возможностей свободно и солидарно творить свою историю. Сознание человека колонизовано отчужденным бытием и его нормами.

В эмиграции ядро ИСИ держалось вместе, продолжало издавать “Журнал социальных исследований”. Хоркхаймер и Маркузе преподавали в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В период войны некоторые сотрудники ФШ (в т.ч. Маркузе) работали для правительства США, в т.ч. в секретных службах. Их главным мотивом была при этом борьба с гитлеризмом.

После войны пути философов разошлись. Адорно и Хоркхаймер вернулись в Европу. Хоркхаймер восстановил институт во Франкфурте, был ректором и профессором местного университета, некоторое время в 50-х гг. преподавал и в Чикаго. Маркузе остался в США, преподавал в Колумбийском и Калифорнийском университетах, исследовал “советский марксизм” в Гарварде, был профессором университета в Сан-Диего, неоднократно совершал лекционные поездки по Европе. В период студенческого бунта 60-х они оказались почти что по разную сторону баррикады. Но об этом позднее.

Основы “критической теории” общества

Свою социальную теорию философы ФШ назвали “критической теорией”. Тем самым они хотели подчеркнуть направленность своей концепции на критику, отрицание существующих социальных структур и утвердившегося способа мышления и познания мира.

“Критическая теория” противопоставлялась “традиционной” теории, то есть “теории в смысле науки”. По словам Хоркхаймера, “наука - это упорядочение фактов нашего сознания, которое позволяет в конечном счете ожидать правильного результата в правильном месте пространства и времени”, причем это касается как естественных, так и гуманитарных наук. “Правильность в этом смысле составляет цель науки, но - и здесь следует первый мотив критической теории - наука сама не знает, почему она упорядочивает факты именно в таком порядке и концентрируется именно на этих явлениях, а не на других”. Традиционной теории, науке “недостает саморефлексии, знания общественных причин... Чтобы быть истинной, науке следовало бы быть

критичной по отношению к самой себе и к обществу, которое ее производит”.

То же самое, продолжал философ, касается отдельного человека. Он не знает, почему он думает так, а не иначе, почему его интересует то, а не другое. Поскольку ложное сознание (“идеология”), искажающее действительность в определенных социальных интересах, проникает во все сферы познания и апологизирует существующий порядок вещей, имеющееся, традиционное теоретическое знание не соответствует социальной реальности и истинным целям познания - способствовать правильной ориентации человека в мире и установлению подлинно человеческих отношений. Поэтому необходима новая, последовательно критическая социальная теория.

Главным моментом в отношениях между людьми и в мышлении человека критическая теория считала наличие правящих и угнетенных. Поэтому в 30-е - 40-е годы почти все ее сторонники выступали за революцию, прежде всего против фашизма. Они надеялись, что в “правильном” обществе и мышление станет “правильным”, поскольку оно уже не будет больше зависеть от сознательной и неосознанной борьбы классов и от закономерностей несправедливого устройства. Но это общество нельзя предопределить заранее, можно только определить, что дурно в существующем обществе, и работать над тем, чтобы это исчезло.

Таковы были, по Хоркхаймеру, исходные моменты “критической теории”.

В ряде работ, написанных в разные годы (“Гегель и проблема метафизики”, “Материализм и метафизика”, “Критическая теория”, “Традиционная и критическая теория” и др.) он сформулировал основные философские принципы теории. По его словам, Гегель, в отличие от позитивистского мышления, исходил из тождества субъекта и объекта, из неистинности частичного познания, из того, что подлинное познание возможно только через самопознание целостного субъекта. Впоследствии от гегелевской системы, претендовавшей на знание целостности и на диалектику целостности, отказались, и теперь необходимо новое целостное объяснение мира. При этом ориентация на современные научные рационалистические методы с их логико-математическим аппаратом несостоятельна, поскольку позитивизм не может осмыслить современную действительность в ее исторических сдвигах, напряженности, противоречиях. Естественно-научные методы не учитывают фактора господства и всей сложности современной общественной ситуации, в том числе растущей управляемости и манипуляции общественным сознанием. Человеческая деятельность, подчиняясь стихийным законам капитализма, сознательна в

индивидуальном, но бессознательна в целом, ибо люди не могут свободно и осознанно договориться между собой. Свободное общество будет развиваться как саморазвертывание сознательной коллективной воли человечества, а не как “естественно-исторический процесс”, в котором господствует бессознательное.

При этом Хоркхаймер намечает некоторые элементы такой новой теории. В критической теории субъект и объект познания должны быть диалектически переходящими друг в друга моментами, а общество в целом, общественная практика - рассматриваться как совокупный субъект-объект. Познающий субъект - это общественный человек, целостный “тотальный” субъект, средоточие всех общественных отношений. Предмет, объект для такого “тотального” субъекта не есть нечто “объективное”, внешнее по отношению к нему, а продукт его собственной деятельности, отделенный от него лишь в его сознании. Любая познавательная и иная деятельность - лишь часть целостного исторического праксиса, возникающая и “снимающаяся” в нем. Теория призвана рассматривать не только общественные вопросы, но весь праксис - всю систему взаимоотношений человека, общества и природы.

Более детально занялся разработкой “негативной диалектики” как методологии “критической теории” Герберт Маркузе. Еще в двух статьях “К проблеме диалектики” (1930-1931) он высказывался в пользу негативного способа решения противоречий. В книге “Разум и революция. Гегель и становление социальной теории” (1941), ставшей программным произведением ФШ, он попытался актуализировать критическую направленность диалектики Гегеля. При этом он сосредотачивает внимание на тех ее аспектах, которые выявляют непримиримые противоречия действительности и ее иррациональность в противовес позитивистским концепциям, статическим даже в движении и апологетическим по отношению к существующему порядку вещей. По Гегелю, человек может познать истину, только прорвавшись сквозь свой “овеществленный” мир. Комментируя работы Гегеля, Маркузе подчеркивает следующий момент: негативная функция диалектики не только отрицает реальные условия существования объекта, но и выявляет его потенции, его иное, которое и есть истинное.

Марксизм как критическая теория общества, по Маркузе, есть продолжение не только Гегеля, но и антипозитивистских устремлений “конца философии”, выраженных Кьеркегором и Фейербахом. Любое положительное отношение к фактам данности, сегодняшнего дня - это позитивизм и потенциальный фашизм, результат вырождения рационализма и превращения его в конформизм. Господствующий ныне некритический рационализм, “идея разума, оказавшаяся под властью технического прогресса”, полагает, что жизнь человека управляется и должна управляться объективными законами, подобными законам

природы, в которой нет собственной диалектики. “Люди верят, что их отношения друг к другу проистекают из объективных законов, которые действуют с необходимостью физических законов, и их свобода заключается в приспособлении их индивидуального существования к этой необходимости. Таким образом, поразительно конформистский скептицизм сопровождает развитие современного рационализма. Чем больше разум торжествует в технологии и естественных науках, тем неохотнее он откликается на требования свободы в общественной жизни человека”.

Ключом к формулируемой Маркузе негативной диалектике можно считать знаменитую фразу Кьеркегора: “действительное - это уничтоженное возможное”. Иными словами, истина - это не то, что мы непосредственно видим, воспринимаем или логически постигаем, это то, что еще не стало фактом, но может и - по логике диалектики - должно стать реальностью - в свете Будущего. Негативная диалектика - это критика того, что есть с позиций того, что может быть.

С этой точки зрения, Маркузе критикует также марксизм за непоследовательную критичность. “Диалектика Маркса...”, - пишет он в работе “Разум и революция”, - “все еще тесно связана с предысторической фазой”. “Понятие, которое по определению связывает диалектику Маркса с историей классового общества - это понятие необходимости. Законы суть необходимые законы; различные формы классового общества необходимым образом погибают от их внутренних противоречий”. В классовом обществе, говорит Маркузе, необходимость, “объективность” существует потому, что человеческая воля не свободна, личность не может свободно и сознательно определять условия своего существования, взаимодействуя с другими людьми. Человек подчинен внешним по отношению к нему, так называемым “естественно-историческим” законам (например, рынка и т.д.), то есть своему “овеществленному” бытию.

Позднее, уже в 60-х годах, возвращаясь к проблеме марксизма в докладе на конгрессе памяти Гегеля в Праге в 1966 г., Маркузе повторит: “...Материалистическая диалектика еще остается в русле идеалистического разума, в позитивности, пока она не разрушит концепцию прогресса, в соответствии с которой будущее всегда коренится внутри существующего, пока марксова диалектика не радикализирует понятие перехода к новой исторической ступени, то есть не встроит в свою теорию поворот, разрыв с прошлым и существующим...”. По его словам, это крайне важно “перед лицом вопроса, может ли - и в какой мере - поздняя ступень западного индустриального общества служить моделью для создания нового общества, по крайней мере в том, что касается *технической* основы развития производительных сил”. Как для Гегеля, так и для Маркса

силы отрицания, взрывающие систему, вызревают в ходе развития ее внутренних противоречий, например, буржуазия при феодализме, пролетариат при капитализме. В ходе “снятия” противоречий они неизбежно ведут к новой ступени, освобождающей производительные силы. “Разве это не есть снова форма прогресса объективного разума, новая форма репродуцирующейся власти прошлого, овеществленного в техническом аппарате труда над живым трудом?”, - спрашивает Маркузе.

В противовес этой детерминистской стороне марксизма, Маркузе еще в “Разуме и революции” сформулировал следующие положения: “Переход от неизбежно гибнущего капитализма к социализму необходим только в том смысле, что необходимо полное развитие человеческой личности. Новое социальное объединение людей необходимо только в том смысле, что необходимо использовать имеющиеся производительные силы для общего удовлетворения всех людей... Когда материальные процессы становятся разумными и превращаются в сознательное дело людей, слепая зависимость сознания от социальных условий прекращает свое существование. Разум, детерминированный рациональными социальными условиями, детерминирован самим собой”.

25 лет спустя Маркузе добавит к этому: диалектический материализм недостаточно глубоко анализирует воздействие общественных институтов на бытие и сознание человека, недостаточно учитывает насилие институтов и обстоятельств, формирование искусственных, мнимых, навязанных человеку потребностей. Иными словами, марксистский материализм недостаточно учитывает силы интеграции внутренних противоречий, которые действуют в условиях позднего капитализма.

Существующее антагонистическое “целое”, по мнению Маркузе, может отрицаться и устраняться только извне, и только так может быть достигнута следующая историческая фаза. При этом он уточняет: “Извне, о котором я говорю, не следует понимать механистически, в смысле пространства, а как качественное отличие, которое превосходит противоречия, существующие внутри антагонистического целого, например, противоречие между капиталом и трудом, и несводимы к нему... Качественное отличие новой общественной ступени состояло бы не только в удовлетворении жизненных и духовных потребностей..., но и в возникновении и осуществлении *новых* потребностей, удушенных в антагонистическом обществе. Эти новые потребности найдут свое выражение в радикально иных отношениях между людьми и в радикально иной социальной и природной среде - солидарности вместо конкурентной борьбы, свободном развитии чувств вместо подавления, исчезновении жестокости, варварства и их языка, мире как длительном состоянии”.

В 60-х годах с собственным истолкованием “негативной диалектики” выступил и Теодор Адорно. По его мнению, до сих пор философия занималась абстракциями, формированием общих понятий, теперь же необходимо обратить внимание на конкретную действительность со всей ее неповторимостью и исключительностью. Адорно формулирует постулат “Целое - неистинно”. Разумеется, это не позитивистское отрицание целого самого по себе. Целое отвергается как методологический принцип познания. Как попытка мышления любой ценой отождествить себя с “целым”. Как и Маркузе, Адорно отвергает “позитивное отрицание”, исходящее из существующего как целого. Вещи и явления подводятся под общие понятия для того, чтобы путем абстрагирования от их особенностей в пользу всеобщего сделать их управляемыми, привязать к данности. И поскольку задача негативной диалектики - это “объяснение того-что-есть терминами того-чего-нет”, она должна расколдовывать понятия, отрицать тождественность и выявлять непонятное и неповторимое. Именно в нем - истинное, сущностное содержание объекта.

Философия истории Ф.Ш.

Используя инструмент “негативной диалектики”, критическая теория приступила к исследованию хода истории человечества. Философы пытались таким образом объяснить причины и корни несвободы человека, возобладавшей в нашем столетии, и найти пути ее преодоления.

Теоретики ФШ рано обратили внимание на усиление авторитарных тенденций в современном общественном развитии. Им посвящена знаменитая книга Эриха Фромма “Бегство от свободы”, которую я не стану пересказывать, поскольку она вполне доступна читателю. Фромм не был единственным. Хоркхаймер еще в 1942 г. опубликовал статью “Авторитарное государство”, в котором приходил к следующим выводам: “Переход от монополистического к государственному капитализму - это последнее, что может предложить буржуазное общество... государственный капитализм - это авторитарное государство современности”. По его мысли, различные формы этатизма (включая сюда фашизм, сталинизм, “новый курс” Рузвельта и иные системы государственного вмешательства и контроля) являются проявлениями этой всемирной тенденции.

В 1947 г. Хоркхаймер и Адорно публикуют работу “Диалектика просвещения”, в которой, опираясь на уроки фашизма, подвергли беспощадной критике историю человечества, основанную на господстве, и ее “вершину” - современную техническую, индустриальную цивилизацию. Авторы отвергли сложившийся стереотип о синонимичности понятий просвещение, рациональность и

прогресс и попытались вскрыть корни репрессивных тенденций цивилизации в историческом прошлом. Книга построена на двух антиномичных тезисах. Первый: просвещение восходит к мифам. Второй: современное просвещение вновь превращается в мифологию.

Адорно и Хоркхаймер исходили из антропологического единства человека как природного вида. Первоначально человек как вид был растворен в природе, но затем это единство нарушилось. Высвобождаясь из природного мира, человек стал воспринимать его как объект для собственного воздействия. Ситуация нехватки благ предопределила форму такого воздействия - господство, завоевание. Возникшая при этом тенденция господства над природой стала восприниматься как прогресс и предопределила дальнейший ход истории. Распадение первоначальной целостности природы, отделение от нее человека, возникновение антагонистических субъектно-объектных отношений неизбежно развернулось в систему эксплуатации человеком внутренней и внешней природы. С отделением от природы, от чисто природных отношений отделяются социальные отношения господства-подчинения, эксплуатация. Индивид расщепляется на “я” и “не-я”, на “самость” и поток чувственных, эмоциональных и физических переживаний, причем первое подавляет второе.

Превращение мира в объект нашло выражение уже в древнейших мифах, которые уже “стояли под знаком той дисциплины и власти, которую Бэкон провозгласил целью”. В них уже можно обнаружить иерархию неба вместо равноправия духов, распределение жертв, отделение богов от их материала-стихий. Это заложенное еще в мифах иерархическое, основанное на господстве восприятие мира было впоследствии развито различными формами философии и идеологии. Результатом такого отношения к миру как объекту господства стало отчуждение, поскольку “люди платят за увеличение своей власти отчуждением от того, над чем они властвуют”. История покорения природы вылилась в историю порабощения человека человеком, а сложившаяся в этой борьбе основная функция разума как средства овладения природой способствовала развитию типа “оперативного, или инструментального разума”, основным критерием которого стала рациональность. С возникновением собственности, эксплуатации и государства этот разум становится на службу господствующим классам общества. На рациональности, на стремлении контролировать внутреннюю и внешнюю природу человека и основано европейское просвещение. Рациональное мышление по законам логики, игравшая первоначально прогрессивную роль в борьбе человека за существование, становится инструментом контроля над мыслями и чувствами со стороны воли к власти. Этот контроль осуществляется с помощью математики, мышление уподобляется машине.

В современном буржуазном обществе, продолжают авторы книги, просвещение само превращается в мифологию и мифотворчество. Механизированная воля к овладению прикована к данному, фактическому, познание ограничивается повторением. Развитие научно-технической рациональности поглощает различные сферы общественной жизни, подчиняет формальным, абстрактным правилам и целям культуру, философию, язык и т.д. С овеществлением духа околдовывается отношение человека к себе и другим людям, происходит общая деградация природы человека, "единичное полностью аннигилируется" противостоящими ему экономическими силами. Индивидуализм привел к своей полной противоположности - псевдоиндивидуальности. Человек более не совершает моральный выбор, он просто отождествляет себя со стереотипами господствующей шкалы ценностей. Сообщества людей превращаются в псевдоколлективы, состоящие из людей-атомов, в единицы господства. Рациональность превратилась в иррациональность, способствуя тотальному управлению человеком вопреки тем возможностям, которые должны были бы перед ним открыться. Просвещение и идея прогресса исчерпали себя. Индустрия сознания формирует и насаждает новую мифологию. Миф XX века приобретает черты коллективного безумия. Все природное наделяется отрицательными чертами, агрессию выдают за самозащиту. Венцом иррациональности рационализма стал фашизм - логическое развитие традиций господства в европейской цивилизации.

Философы ФШ подчеркивали, что фашизм - это не исключение, не случайное явление в истории, а отражение более общих тенденций. Они не отрицали факта использования фашистских движений в интересах господствующих классов. Но их интересовала в первую очередь психологическая мотивация людей, участвующих в фашистских движениях, или покоряющихся фашизму и спокойно совершающих самые дикие и варварские злодеяния. Одним из первых попытался проанализировать фашизм с позиций фрейдовского психоанализа В.Рейх.

Несколько позже выступил со своей концепцией истории Маркузе. Он полагал, что для объяснения индивидуальных мотивов человеческих поступков и действий на протяжении истории следует использовать разработки и исследования психоанализа. Так появилась его работа "Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда" (1955). По мысли Маркузе, в подсознательной сфере поведения человека происходит непрерывное столкновение различных инстинктов. Он обращает особое внимание на 2 из них: инстинкт удовольствия, удовлетворения потребностей и желаний, который Фрейд именовал "эросом", и влечение к разрушению, к смерти или уничтожению,

названное “танатосом”. Диалектика их взаимодействия состоит в том, что подавление эроса приводит к резкому усилению танатоса, через который сублимируется невозможность удовлетворить желания. Но человек, выделившись из природного мира, вынужден отказаться от роли природного существа, стремящегося к неограниченному наслаждению, и превратить себя в инструмент производства. Эта трансформация, исторически неизбежная в скудной и враждебной окружающей среде, заставляла людей подавлять, сублимировать и преобразовывать свои инстинкты, подсознательные мотивы и руководствоваться “принципом реальности”. С возникновением классового общества и государства к этому ограничению и самоограничению добавляется “дополнительное подавление”, которое осуществляется уже исключительно “в интересах господства и сохранения деспотического господства”. Человек видоизменяет и сдерживает удовлетворение своих потребностей в соответствии с “реальными” общественными условиями. Его потребности заменяются на более “культурные” (в духе “репрессивной культуры”), подчиняющие человека эксплуататорскому обществу. В итоге разум человека, его внимание и память, его способность к суждениям и оценкам превращается из свободного проявления подсознания в репрессивное орудие подавления индивида. В условиях высокоразвитого индустриального общества этот “принцип реальности” превращается в “принцип производительности”, “экономической продуктивности”. Само производство, производительные силы, наука становятся инструментами “дополнительного угнетения”, увековечения господства. Материальная культура вступает в противоречие с эросом, принципом наслаждения и счастья. Труд никак не связан с реализацией человеческих стремлений, не приносит удовольствия. Любовь превращается в отчужденную любовь. Под влиянием систематического подавления возникает агрессия против эроса, направленная как вовнутрь (мазохизм), так и вовне (садизм). В этом же ключе можно рассматривать и психологические основы фашизма. Таким образом, существующее классовое общество, несмотря на всю свою одностороннюю рациональность, в действительности глубоко иррационально и деструктивно.

Теоретики ФШ пришли к заключению, что авторитарные тенденции, проявившиеся в фашизме, отнюдь не были преодолены. Они видоизменились и продолжают существовать в современном капиталистическом обществе. На этапе “позднего” капитализма, превратившего узкоколичественный, утилитарный и стоимостный принцип во всеобщий, складывается “организованное” общество, воспроизводящее как необходимость инертную массу. Это триумф буржуазной рационализации, отчуждения и подавления личности. Оно разрывает все прежние, традиционные связи между людьми,

атомизирует их (на эту предпосылку появления тоталитаризма обращали внимание особенно Э.Фромм и Х.Арендт), утверждая между индивидами отчужденные, овеществленные и противоестественные отношения, которые препятствуют подлинному общению. Индустрия культуры и информации создают иллюзию свободы, чтобы вдолбить глубоко внутрь человека нормы, ценности и потребности существующего порядка.

Детальный анализ современного индустриального общества Маркузе предложил в книге "Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества" (1964). Он констатирует резкое сокращение критического потенциала и оппозиционности в современном мире. "Технический прогресс, охвативший всю систему господства и координирования создает формы жизни (и власти), которые по видимости примиряют противостоящие системе силы, а на деле сметают или опровергают всякий протест во имя исторической перспективы свободы от тягостного труда и господства. Очевидно, что современное общество обладает способностью сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, новое направление продуктивного процесса и новые формы человеческого существования. В этой способности, вероятно, в наибольшей степени заключается исключительное достижение развитого индустриального общества; общее одобрение Национальной идеи, двухпартийная политика, упадок плюрализма, сговор между Бизнесом и Трудом в рамках крепкого Государства свидетельствуют о слиянии противоположностей, что является как результатом, так и предпосылкой этого достижения". Общество стало тоталитарным, оно лишило все критические идеи оппозиционности, встроив их в себя. Самое страшное при этом то, что подавляющее большинство людей не чувствует, что их угнетают, не испытывает потребности в собственном освобождении. "Рабы индустриального общества - это рабы сублимированные". Главным методом воздействия на них становится формирование ложных потребностей, стандартных, привязывающих человека к существующему обществу, репрессивных и антигуманных по своей сути. Индивид теряет базу для автономии, для сопротивлению тоталитарному целому. Он мыслит и действует так, как хочет от него система, и сам не понимает этого.

Парадоксальность и трагизм ситуации усугубляются тем, что подавление человеческой индивидуальности больше не является необходимым даже с точки зрения создания достаточной материальной базы для свободного общества. Достигнуто состояние, которое Маркузе в лекции в 1967 г. назвал "концом утопии". Историческое развитие репрессивной культуры обеспечило рост производства,

самоограничение, бедствия и эксплуатация более не нужны для дальнейшего развития. Созданы предпосылки для ликвидации угнетения и подавления естественных влечений человека. Достигнутый уровень производства уже позволяет удовлетворять человеческие потребности без “принципа производительности”. “...Развитое индустриальное общество вплотную подошло к возможности материализации идеалов”. Возникает возможность резкого сокращения рабочего времени, слияния труда, игры и удовольствия, новой нерепрессивной культуры. Сегодня любое преобразование мира - это реальная возможность. Но как сделать так, чтобы люди этого захотели? Вот она, центральная проблема современного общества. И мыслители ФШ по-разному пытались дать на нее ответ.

Франкфуртская школа и социальная практика

Прежде всего, тот вариант социального преобразования, который предлагался, или скорее навязывался сталинистскими “реалсоцовскими” режимами, теоретиков ФШ не устраивал. Они не хотели, говоря словами Хоркхаймера, чтобы “вместо конечной демократии Советов некая группа закрепились как начальство”. Правда, из-под пера франкфуртских мыслителей не вышло ни одной убедительной критической работы о сталинистских режимах. Единственным исключением можно было бы считать книгу Маркузе “Советский марксизм” - плод его исследований в особом центре Гарвардского университета в 50-е годы, но она получилась крайне слабой. Его анализ явно уступал анализу, с которым выступили, например, левые коммунисты - сторонники Рабочих советов (Паннекук, Гортер, Рюле, Маттик и др.). Видеть в режиме 50-х гг. “воспитательную диктатуру”, которая недопустимыми, кровавыми методами пытается “вразумить” отсталое общество, означало, по крайней мере, полностью смешивать намерения большевистских якобинцев периода революции и Сталина. К тому же Маркузе переоценивал устойчивость “советского” общества.

Как бы то ни было, ожидать от “СССР” и его модели решения проблем западного индустриального общества не приходилось. В условиях “одномерного” социума следовало искать островки надежды в другом месте, прежде всего в самом человеке. Необходимо сделать так, чтобы человек ощутил и осознал собственную несвободу и начал бороться с ней. Но как?

По мнению Адорно, прежде всего нужно было возродить критическое мышление, критическое восприятие мира. В качестве его метода он предложил моделирование, которое должно содержать критическую рефлексию, направленную на разрушение сложившихся стереотипов сознания и выявления того “иного”, которое нельзя обнаружить

средствами научного познания. Выявление неистинности настоящего должно было придать импульс к освобождению и радикальному изменению существующего положения. Адорно предлагал сублимировать однажды освобожденную от логики системы силу мышления в открытые определения отдельных моментов, более активно использовать ассоциативное и парадоксальное мышление, аналогию, метафорические способы и другие средства поэтического языка, творческую способность воображения. В своих музыковедческих работах и в “Эстетической теории” он попытался представить искусство как модель познания.

Такой подход восходит еще к “Диалектике просвещения”, в которой Хоркхаймер и Адорно характеризовали “вытесненное” подлинное искусство как поиск-воспоминание об утраченном, мир “иного”, противостоящего данности, как радикальное отрицание воли к власти и реализацию принципа наслаждения. Таким образом, искусство и другие сферы, не колонизованные еще формальной рациональностью представляли как островки свободы.

“Искусство, называя вещи своими именами”, - замечал Маркузе в “Одномерном человеке”, - “тем самым разрушает их царство, царство повседневного опыта. Последнее предстает в своей неподлинности и увечности. Однако Эта волшебная сила искусства проявляется только в отрицании. Его язык, его образы живы только тогда, когда они отвергают и опровергают установившийся порядок”. Все это так. Но, продолжает он, “в настоящее время этот существенный зазор между искусствами и повседневной рутинной... все более смыкается под натиском развивающегося технологического общества. В свою очередь это означает предание забвению Великого Отказа и поглощение “другого измерения” господствующим состоянием вещей”.

Нет, и в искусстве сегодня нельзя найти зону свободы. Настроения Маркузе в начале 60-х годов скорее пессимистичны. В “Одномерном человеке” он так и не решается сделать выбор между двумя гипотезами: “(1) что развитое индустриальное общество обладает способностью сдерживать качественные перемены в поддающемся предвидению будущем; (2) что существуют силы и тенденции, которые могут положить конец этому сдерживанию и взорвать общество”. Поскольку, в соответствии с его негативной диалектикой, внутренние противоречия не могли вывести за рамки существующего порядка вещей, таких тенденций и сил Маркузе в тот момент не видел. “Сила отрицания, как мы сегодня знаем, не сосредоточена ни в каком классе. Она представляет собой сегодня лишь хаотическую оппозицию... : отказ участвовать и подыгрывать”, - говорил он в 1966 г.

Но такая сила отрицания неожиданно появилась. В конце 60-х годов по всему миру прокатилась волна радикального студенческого бунта, который кое-где чуть было не перерос в социальную революцию. И здесь-то прежние коллеги из ФШ оказались по разные стороны баррикады.

Адорно и Хоркхаймер не поддержали революционных студентов и были ими освистаны. "...Наша новая критическая теория", - заявлял Хоркхаймер в 1970 г., - "больше не выступает за революцию, потому что после свержения национал-социализма революция в странах Запада привела бы к новому терроризму, к новому жуткому состоянию". Вслед за либералами он заговорил о "противоречии" между свободой и справедливостью.

Маркузе воспринял новые социальные движения с энтузиазмом. Да и студентам пришлось по нраву его мысли о том, что рабочий класс в значительной мере интегрировался в капиталистическую систему и место революционного субъекта теперь вакантно. Многие из них сами претендовали на эту роль. Не все из революционных бунтарей тех лет читали Маркузе. Но он сделался кумиром и символом их бунта, идейным отцом новых левых.

В 1969 г. Маркузе выступил с "Эссе об освобождении". В нем он, подытожив свои прежние мысли, обосновал идею радикального переворота во всех сферах человеческого существования, включая биологию человека и сферу потребностей. Воспитанные обществом искусственные, рабские потребности и их удовлетворение воспроизводят жизнь в рабстве. Необходимы иные потребности и влечения, иные реакции тела и духа. Детонатором переворота станут аутсайдеры, люди, у которых Система не успели или не смогла выработать потребность в рабском удовлетворении. Революция соединит две тенденции, направленные против позднебуржуазного общества - революцию социальную и революцию сексуальную. Последняя раскрепостит "принцип удовольствия", свободные эротические влечения и уничтожит табу и запреты. Тем самым рухнет фундамент репрессивной культуры и цивилизации. Великий Отказ от норм, принципов, табу и правил поведения, основанных на господстве, откроет дорогу социальной революции, распространится от аутсайдеров на все более широкие социальные круги.

Для того, чтобы достичь этого, необходимо прорвать "континуум угнетения", уклониться от влияния репрессивной культуры, подобно сюрреалистам, освободить свою творческую фантазию, которая живет по принципам наслаждения, помнит о времени его торжества и стремится вернуться к нему. Это позволит совершить революцию

восприятия , восстание против репрессивного разума на основе эстетики свободы и новой чувственности.

Первоначальную форму Отказа Маркузе видел в некой герилье аутсайдеров как модели истинно человеческих отношений гармонии между личностью и обществом, между коллективными и индивидуальными потребностями, на основе естественной солидарности, тождества витальных влечений к свободе.

Поражение студенческого бунта и новых левых Маркузе воспринял как контрреволюцию. В 1972 г. в книге “Контрреволюция и бунт” он пытается извлечь уроки из поражения. С одной стороны, он продолжает настаивать на эмансипации индивидуальных чувственно-эстетических способностей и природных влечений как способа ликвидации репрессивной социальной машины. Радикальная трансформация внутренней и внешней природы человека остается для Маркузе составной и неотъемлемой частью радикального преобразования общества. Но теперь он в значительной мере пересматривает свое прежнее отношение к идее “контр-общества”, “контр-культуры” и тотального Отказа. Теперь он называет их “материалистической версией абсолютного идеализма”, полным взаиморастворением субъекта и объекта. “Именно эти контр-действия, контр-ценности, как объявленная война, изолируют радикальное движение от масс”, - пишет он. Недостаточно новой чувственности, неужна эмансипация сознания, новое сознание. В условиях контрреволюции антиинтеллектуализм становится услугой истеблишменту. Необходимо просвещать массы, перевести стихийный протест в организованное социальное действие. “Капитал действительно порождает своего могильщика, но на этот раз это уже не “проклятые” и не “отверженные”. Время огульного отрицания либеральных методов борьбы уже прошло или еще не наступило”. Маркузе начал обращать все большее внимание на новые социальные движения, особенно экологические. Это нашло отражение в ряде его последних статей и выступлений.

В последующие годы корифеи Франкфуртской школы уходят из жизни один за другим: Адорно умирает еще в 1969 г., Поллок в 1970 г., Хоркхаймер в 1973 г., Маркузе в 1979 г., Фромм в 1980 г. Дороги их молодых последователей и учеников разошлись уже настолько далеко, что о них вряд ли правомерно говорить как об одном идейном течении. Франкфуртская школа навсегда отошла в историю. Но ее идейное наследие остается важнейшей частью сокровищницы современной леворадикальной мысли.